

О.А. ПЕРЕВАЛОВА

*(Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия)*

УДК 821.161.1(091)«18»-1

ББК ШЗЗ(2Рос=Рус)52-45

ЖАНРОВАЯ РАЗНОВИДНОСТЬ «МОЯ МОЛИТВА» В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ ПОЭТОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.¹

Аннотация. На материале русской поэзии (Д. Веневитинов, А. Измайлов, И. Тургенев, П. Вяземский, М. Лермонтов) рассматривается особая жанровая форма «моей молитвы» как результат деканонизации традиционной стихотворной молитвы. Намечаются основные конструктивные признаки данной жанровой разновидности, прослеживаются пограничные случаи с пародийной молитвой и «молитвой поэта». Отмечается, что возникшая на периферии жанра индивидуально-авторская форма поэтического молитвословия «моя молитва» постепенно обретает статус жанрового ядра и начнет осознаваться как основная форма поэтического молитвенного диалога в творчестве русских поэтов XX в.

Ключевые слова: жанр, стихотворная молитва, молитвенный дискурс, «моя молитва», жанровый канон, деканонизация, жанровая рефлексия.

Жанр стихотворной молитвы занимает в творчестве русских поэтов первой половины XIX в. особое место. Это сравнительно молодой по историческим меркам жанр лирической поэзии, который в то же время сохраняет «память» о своей религиозной природе. В эпоху жанровой деканонизации он становится одним из ведущих способов творческого самовыражения, активно развиваясь, вбирая в себя романтические тенденции и постепенно утрачивая связь с сакральными первоисточниками. В результате развития продуктивной жанровой модели возникают индивидуально-авторские разновидности молитвы, среди которых наиболее значимой представляется «моя молитва».

«Моя молитва» – особая жанровая разновидность стихотворной молитвы, характеризующаяся редукцией составляющих молитвенного дискурса и не вписывающаяся в жанровый канон; своего рода лирическая медитация, носящая глубоко личностный, исповедальный характер.

К жанрообразующим чертам данной разновидности можно отнести следующие конструктивные признаки «моей молитвы»:

1) усиленная субъективность, когда соборное христианское «мы» сменяется первостепенно значимым «Я» лирического героя;

¹ Работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы. Соглашение 14.А18.21.0999.

- 2) вербализованная рефлексия исповедального характера по поводу самого обращения к молитве;
- 3) неканонический характер просьб, в том числе, например, прошения о страданиях и смерти;
- 4) глубоко индивидуализированные метафорические именованья Божественного начала;
- 5) замена финальной закрепительной формулы «последней просьбой», словесными показателями обреченности или неверия;
- 6) жанровая авторефлексия.

Специально отметим, что, номинируя жанровую разновидность «моя молитва», мы прежде всего руководствуемся авторскими интенциями лирического сознания поэтов, эксплицированными в заглавиях наиболее показательных стихотворений.

Так, в стихотворении «Моя молитва» (1826) Д.В. Веневитинов отражает специфику своего молитвенного обращения соответствующей жанровой номинацией. Вынесенная в заглавие принадлежность слова лирическому субъекту неоднократно впоследствии воспроизводится в тексте стихотворения, тем самым не только подчеркивается исключительность позиции «Я», но и конкретизируются важные для лирического субъекта «знаки» мира (в широком смысле). Ситуация, в которой предстоит «души невидимому хранителю» лирический субъект, определяется как «моление *мое*»²; пространство, важное для него, – «*моя обитель*», «*мой порог*»; духовный мир лирического субъекта представлен «*моей душой*», находящейся в «*моей груди*». И наконец, важнейшая просьба (по сути, ставшая поводом обращения к молитве) лирического субъекта об отказе от мирских чувств также индивидуализируется: «Уста *мои* сомкни молчаньем, / Все чувства тайной осени...»³.

Молитва Д.В. Веневитинова – прежде всего, о сохранении чувства Бога в душе лирического субъекта, который верит в охранное воздействие молитвенного слова и просит защиты Всевышнего от светской «суеты», пугающей его. Так, первое же прошение об избавлении от лукавого («обольстителя ухищренного»), традиционное и для канонической молитвы, перерастает в просьбу о защите от ложной дружбы «с коварством скрытым». Напряженность внутренней интонации начальных слов молитвы подчеркивается использованием анафо-

² Здесь и далее в цитатах курсив наш. – О.П.

³ Веневитинов Д. В. Стихотворения. Проза. М. : Наука, 1980. С. 41. Далее текст цит. по этому изданию.

ры, а эмоциональность – приемом градации (просьба защиты от лукавого трансформируется в просьбу о защите от «мстительного света»):

Благослови мою обитель
И стражем стань у врат ее,
Да через мой порог смиренный
Не прешагнет, как тать ночной,
Ни обольститель ухищренный,
Ни лень с убитою душой,
Ни зависть с глазом ядовитым,
Ни ложный друг с коварством скрытым.
Всегда надежную броней
Пусть будет грудь моя одета,
Да не сразит меня стрелой
Измена мстительного света.

Следующие прошения молитвы кажутся вполне традиционными: о смирении страстей («Не отдавай души моей / На жертву суетным желаньям») и гордыни («Да луч тщеславья не просветит»), о даровании покоя («Но в душу влей покоя сладость»). Но среди них возникает просьба, выбивающаяся из этого смиренного ряда: «Да взор холодный их не встретит». С одной стороны, это просьба об отрешенности от того «мстительного» мира, о котором шла речь выше, но с другой – о желаемом понимании со стороны этого мира. Противоречие подчеркивается метафорическим определением «незамеченные дни», которое лирический субъект дает своей жизни, и негативными эпитетами светского общества, а также просьбами о «молчании», об отказе от земных радостей («И отжени от сердца радость: / Она – неверная жена»). Просьбы становятся своеобразным вызовом Богу: «покоя» и «молчания» просит лирический герой взамен мирского счастья, и в таких прошениях находит выражение мотив уныния, сопряженного с отчаянием и обидой на «мстительный свет». Поводом обращения к молитве оказывается разочарование от жизни. Спокойные же, тихие интонации стихотворения свидетельствуют, скорее, о принятии неизбежной судьбы, нежели о полном смирении⁴.

В стихотворении Д.В. Вeneвитинова находят выражение все сущностные признаки «моей молитвы»: усиление позиции «Я» лирическо-

⁴ Иную точку зрения высказывает С.И. Ермоленко: в «тихих», спокойных словах молитвы исследовательница видит «лирически пронзительный смиренный “зов”» Бога (См.: *Ермоленко С.И.* Религиозное чувство М.Ю. Лермонтова в лирическом выражении // Лермонтовские чтения – III : Мат-лы Всеросс. науч. конф. : 15–16 окт. 2009 г. / науч. ред. д.ф.н., проф. С.И. Ермоленко; отв. ред. д.ф.н., проф. Т.А. Ложкова. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2010. С. 10–11).

го героя, метафорическое обращение и образность, включенная в состав прошений, самодовлеющее значение просьб, жанровая авторефлексия и использование в качестве завершения молитвенного диалога «последней просьбы».

А.Е. Измайлов также выносит в заглавие своего стихотворения «Спаси, о Господи! меня, жену, детей...» (1825) сочетание «моя молитва», но его стихотворное обращение к Богу выдержано уже в иной тональности, нежели молитва Д.В. Веневитинова. Обытовленное молитвенное слово (большая часть прошений о даровании земных материальных благ противоречит христианской этике) при первом прочтении стихотворения может показаться ироническим, чему, кстати, способствует и ритмико-мелодическая организация (несерьезная интонация создается вольно сочетающимися строками разноstopного ямба), но градуальное выстраивание собственно мольбы указывает на то, что перед нами – не пародия, а создаваемая «от противного» «моя молитва». Действительно, лирический герой готов претерпеть разного рода духовные лишения во имя «пользы», «славы», «богатства»: «Для пользы и для славы / Пошли мне более врагов», «Дай средства жить мне без долгов; / В трудах, в бедах пошли терпенье: / Пошли, пошли скорей большое мне именье...»⁵. Иронический пафос, пронизывающий мольбу, отчасти снимается финальным прошением о будущем наказании за возможное пребывание в гордыне:

А ежели я возгоржусь
И совесть, ангела-хранителя, забуду,
То накажи меня как Каина, Иуду;
Пусть с лицемерами в геенне вечно буду.

Мольба, превращенная в указание, звучит дерзко, но она – результат рефлексии над словами предшествующей молитвы. Обращение к Господу с просьбой о даровании богатства (материального) немислимо для православного человека, возникновение его – само по себе признак малодушия, уверенность в «исполнении» просьбы браваурна, но нелепа. И появление в данном ряду прошения о наказании за возможно совершенные грехи вполне органично и подсказано характером предшествующей мольбы, которая и сама – грех. Впрочем, такое прошение демонстрирует уверенность в неизбежности наказания и несет функцию закрепительной формулы.

⁵ Здесь и далее текст цит. по: *Измайлов А.Е. Избранные сочинения*. М. : ОГИ, 2009. С. 245.

Примечательно, что, несмотря на едва ли не кощунственное содержание, в молитве А.Е. Измайлова реализуется традиционная для жанра кольцевая композиция, текст строится согласно канону. Начальные строки стихотворения: «Спаси, о Господи! меня, жену, детей, / Сестру мою, родных и искренних друзей!» – не просто открывают молитвенный диалог, но являются реминисценцией «общей» ходатайственной молитвы за мир. И только третья строка стихотворения («Да с честью пройду путь правый!») может считаться началом «моей молитвы» с ее подчеркнутой субъективностью и дерзко звучащими просьбами. Но резкость слов и интонаций молитвы А.Е. Измайлова и кажущаяся ироничность текста все же не позволяют говорить о пародийном характере молитвы – подмены христианского пафоса не происходит. Между тем, нельзя не отметить, что «Моя молитва» А.Е. Измайлова находится на периферии жанровой разновидности: несмотря на практически полное соответствие всем выделенным жанрообразующим признакам, она ощутимо граничит с пародийной молитвой.

Иным содержательным наполнением характеризуется «Моя молитва» И.С. Тургенева (1834–1836), в основе центральной просьбы которой лежит почти шуточный отказ от чувства любви, точнее – от любовных отношений. Смущающий «робкого» поэта образ женщины сопрягается с мотивом искушения, от которого следует просить защиты у Бога:

Молю тебя, мой Бог! Когда
Моими робкими очами
Я встречу черные глаза
И, осененная кудрями,
К моей груди приляжет грудь,
О, дай мне силу оттолкнуть
От себя прочь очарованье.
Молю – да жгучее лобзанье
Поэта уст не осквернит
И гордый дух мой победит
Любви мятежной заклинанье⁶.

Примечательно, что в этом стихотворении конкретизируются как адресант («поэт», обладающий «гордым духом»), так и адресат («мой Бог»), а сама молитва обращена в будущее (ситуация, защиты от которой просит лирический герой, гипотетична). Нетрадиционность молитвенного обращения, представленного по большей части лексемами,

⁶ Тургенев И.С. Стихотворения и поэмы. Л. : Сов. писатель, 1970. С. 63.

характерными для любовной лирики («кудри», «грудь», «очарованье», «лобзанье», «уста»), в полной мере раскрывает «Я» лирического героя, его внутренний мир с его же «страстями». Мольба о победе духа над любовными «заклинаниями», завершающая диалог с Богом, демонстрирует уверенность в действенности молитвенного слова и становится своеобразной закрепительной формулой. Вынесенное в заглавие стихотворения словосочетание «моя молитва» эксплицирует жанровые интенции автора, создающего субъективную молитву о защите от любовного чувства.

Одной из важнейших тем, входящей в мотивно-тематический комплекс жанровой разновидности «моя молитва», является тема смерти. В стихотворении П.А. Вяземского «Моя молитва» (1847) приводится пространное рассуждение о том, когда не страшно умереть, о неизбежности смерти:

Господь, ущедри и помилуй!
Не дай мне умереть зимой
И лечь в холодную могилу
Под душевой крышей ледяной!

Нельзя помыслить без испуга,
Что в землю будешь ты зарыт,
Когда мороз дерет и вьюга
Печально воеет и свистит;

<...>

Нет, дай мне, милосердный Боже!
Заснуть моим последним сном,
Когда цветет земное ложе
И воздух растворен теплом...⁷

Молитва становится своего рода результатом философской рефлексии на «большую» тему и одновременной защитой от страха смерти, о чем и свидетельствует финальное четверостишие стихотворения:

Прощаясь с братом, мы приемлем
Свиданья радостный залог
И гласу из могилы внемлем,
Что Бог живых – и мертвых Бог.

Суть молитвы П.А. Вяземского в просьбе о смерти в «удобное» время года. Притом лирический герой не только обращается к Господу со «странной» и немыслимой с точки зрения христианской этики

⁷ Здесь и далее текст цит. по: Русская стихотворная «молитва» XIX в.: Антология / вступ. ст., составл., примеч., библиогр. Э.М. Афанасьевой. Томск : STT, 2000. С. 141-142.

мольбой, но и объясняет возможность подобного прощения, раскрывая логику своих размышлений и указывая на особую значимость просьбы (своеобразный акт духовной подготовки к посмертному бытию). Диалог с Богом ведется на равных, а сама молитва по форме сближается с жанром дружеского послания.

Рассмотренные выше стихотворения четырех поэтов, иллюстрирующие жанровую разновидность «моя молитва», схожи между собой экспликацией в заглавии жанровой номинации, но, несомненно, жанровая авторефлексия не является ведущим жанрообразующим признаком «моей молитвы». Она значима лишь при сознательном обращении художника к принципиально новому способу стихотворного молитвословия. Тем не менее, в творчестве русских поэтов XIX столетия обнаруживаются стихотворения, названные «Молитва», но существенно отличающиеся от канонических образцов данного лирического жанра. Вероятно, возникшая на периферии жанра разновидность в ходе эволюционного процесса постепенно становится его ядром, начинает осознаваться как едва ли не единственно возможная форма существования жанра.

Особо значимой в ряду «моих молитв» является «Молитва» М.Ю. Лермонтова («Не обвиняй меня, Всесильный...», 1829), в которой находят реализацию все содержательные и конструктивные признаки данной жанровой разновидности. Лирический герой обращается к «Всесильному» не с просьбой, а с исповедью, в которой указывает на собственную неспособность к истинной христианской молитве, бросает вызов Богу. Молитва оказывается самоутверждением лирического субъекта, его самооправданием и признанием исключительной ценности земного мира «с его страстями». Лирический герой – «творческая личность, отмеченная печатью избранничества» – «всесожигающим» «чудным пламенем», движимая «жаждой песнопенья» – «неутолимой потребностью самовыражения»⁸. Осознавая свою самость («я») высшей ценностью, лирический герой и Бога воспринимает как личностное начало, не отстоящее в горних высях, а равное себе. Оттого и диалог с ним приобретает характер соперничества: «струя» Божественных «живых речей» проигрывает (в восприятии лирического героя) «лаве вдохновенья». Напряженная интонация спора усиливается использованием приема синтаксической анафоры: торопливо перечисляя все «то, за что» его не должен «обвинять» «Всесильный», лирический герой словно стремится дать характеристику своей собственной при-

⁸ Ермоленко С.И. Религиозное чувство М.Ю. Лермонтова в лирическом выражении. С. 15-16.

роды (поэта), а заодно и высказать Богу свою душу, разобраться в своих противоречивых с Ним отношениях. Иронически, а вместе с тем и трагически, звучит словно бы «спонтанное» признание: «К тебе ж проникнуть я боюсь, / И часто звуком грешных песен / Я, Боже, не тебе молюсь»⁹. В признании этом, с одной стороны, звучит острое переживание отпадения от Бога, с другой же – гордость способностью «песнопенья». Подобная противоречивость вообще свойственна лирическому герою М.Ю. Лермонтова, которому «нужно только одно: чтобы Всесильный принял его таким, каков он есть»¹⁰ (равно как и весь мир). Он осознает невозможность отказа от своего дара, даже ради «спасения». «Путь спасенья» оказывается так же «тесен» ему, как и «мир земной», ибо вступление на него неизбежно приведет к утрате самоидентификации личности: освободит от «страшной жажды песнопенья», преобразит «сердце в камень», т.е. уничтожит «я» лирического героя, что немислимо для него. Трагизм усиливается в финале стихотворения: выбора пути не происходит, противоречие не снимается, вопрос о том, какой удел лучше: «страшная жажда песнопенья» во «мраке земли могильном с ее страстями» или же «тесный путь спасенья» – остается открытым. Вызов Богу хоть и звучит (вкуче с уверенностью в силе собственного дара, который сложно будет «угасить»), но завершающая молитву просьба, данная в форме обета, указывает на отсутствие однозначного отношения лирического героя к Нему.

М.Ю. Лермонтов создает не просто «мою молитву», но «молитву поэта», которая, с одной стороны, проникнута богоборческими мотивами («И часто звуком грешных песен / Я, Боже, не Тебе молюсь!»), явленными в экспрессивных формах, а с другой – несет в себе черты исповеди и покаяния. Образ «могильного мрака» в первой части молитвы соотносится с просьбой «преобразить сердце в камень». Но установка на молитвенное преобразование души остается не реализованной: лирический герой-поэт мыслит себя равным Богу и оставляет за собой право выбора пути, иронизирует над возможностью «обращения» к Богу за «спасеньем»: «От страшной жажды песнопенья / *Пускай*, Творец, освобожусь...».

Дерзко звучащие слова молитвы, указание на самоценность личности лирического субъекта, напряженность интонации, усиленная императивная модальность, характер спора – показательные черты

⁹ Здесь и далее текст цит. по: *Лермонтов М.Ю. Сочинения: в 6 т. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1954–1957. Т. 2. С. 73.*

¹⁰ *Ермоленко С.И. Религиозное чувство М.Ю. Лермонтова в лирическом выражении. С. 11.*

«моей молитвы», которые будут активно восприняты русскими поэтами XX в., наряду с единственно возможным отношением человека-творца (поэта) к Богу-Творцу – как равного к равному. А возникшая на периферии жанра как индивидуально-авторская форма поэтического молитвословия «моя молитва», ставшая уже к середине XIX столетия одной из самых распространенных жанровых разновидностей стихотворной молитвы, постепенно обретет статус жанрового ядра и начнет осознаваться как основная форма поэтического молитвенного диалога в творчестве русских поэтов XX века.